

и почему-то подчеркнул эту фамилию. Хочется думать, что это был именно наш прадед, священник Павел Иванович...

В семье Воскресенских, можно сказать, царил культ Чайковского. Наш дедушка, Иван Павлович, не раз любил вспоминать, как они с братом Николаем, еще подростками, бродя по окрестным полям, часто встречали седого господина, который всегда одаривал ватагу мальчишек конфетами. На немногих сохранившихся фото, сделанных в доме Воскресенских, хорошо видны развешанные по стенам портреты композиторов-классиков. Большой портрет Чайковского над роялем, неподалеку – Мусоргского. Была и большая подборка нот. Дочь Анна, тетя Анита, после окончания музыкальных курсов в Москве давала уроки фортепиано клинским детям, сама она хорошо пела, исполняла русские романсы на домашних концертах.

Анна Воскресенская. Клин. 1917

Младшее поколение Воскресенских увлекалось модным тогда теннисом. Образовалась команда любителей этого спорта, которая устраивала городские турниры. Вскоре дом протоиерея стал своеобразным культурным центром, куда устремлялась молодежь.

Неизвестно, где и когда познакомилась тетя Анита с графом Мусиным-Пушкиным. Возможно в Клину, куда граф ездил по делу о наследстве к известному адвокату В.И. Танееву, брату композитора. Есть открытка от 9 июля 1910 года, отправленная Всеволодом Юрьевичем в Клин Анне Воскресенской:

«Шлю привет и сердечное спасибо за память. Письмо получил. Очень и очень рад, что «эта новость» действительно осуществится, и я смогу быть совсем счастливым. Ради Аллаха, поскорее... Целую. Будьте веселы и здоровы».

О какой «новости» идет речь, неизвестно. Но, судя по всему, в то время Всеволод Юрьевич уже был знаком с семьей Воскресенских, в том числе и с будущей тещей, Марией Ивановной. Вот еще открытка:

«Их высокородиям Анне Павловне и Александру Павловне Воскресенским.

г. Симбирск. 11 апреля 1913.

Христос Воскресе! Приветствую Вас, милые барышни, и надеюсь, что Вы, как всегда, веселитесь в родном гнездышке. Я еду сегодня в имение Поливановых. Может быть, там буду заниматься серьезно

а то обязательно проважусь. Мои поздравления и приветы Марии Ивановне и всем, кто обо мне знает. Ваш Вс. МП».

В других открытках есть указания на то, что в это же время Анна вместе с сестрой Шурой живут в Москве у графа в Кривоникольском переулке и готовятся к экзаменам. Может быть, роман Всеволода с Анной начинался именно здесь? Неизвестно. Пожениться они позднее, году в 1918-м, когда на одной из программ домашнего концерта тетя Анита, как аккомпаниатор, уже названа А.П. Мусиной-Пушкиной.

Женой она оказалась очень подходящей для графа: была так же, как и он, завзятой театралкой, вела вместе с ним вполне «богемный» образ жизни – бесконечные новые знакомства с известными артистами, режиссерами, постоянные домашние вечеринки, концерты, читки новых пьес и гости, гости, гости.

Всеволод и Анна Мусины-Пушкины. 1927

В их гостеприимном доме в Кривоникольском переулке бывали и артисты МХАТа и Малого театра, и близкие Михаилу Булгакову братья Топлениновы – художник и актер, и вдова Есенина Софья Толстая, и симбирский композитор А.В. Варламов, и многие драматурги тех лет. В дни, тяжелые для Всеволода Юрьевича, тетя Анита всячески его поддерживала, носила передачи в тюрьму, энергично добивалась пересмотра дела, вела в его отсутствие все театральные и издательские дела мужа – он тогда работал в Издательстве МОДПИК¹. Думаю, что и в освобождении из тюрьмы Всеволода Юрьевича по состоянию здоровья, условно-досрочно, была и ее немалая заслуга.

Дядя Всева ушел из жизни в 1939 году в возрасте 54-х лет. Он многое не успел сделать из задуманного, был полон планов и сил и незадолго до кончины записал в свой «Дневник»:

«...Никогда я не мечтал о славе, о выделении из толпы обыкновенных людей. Все свои способности я оставлял втуне, не пытался даже их проявить. Теперь я хочу выявить максимум того, чем наделила меня природа, теперь я хотел бы вернуть здоровье не для наслаждения радостями веселой и легкой жизни, а для упорной работы, для творчества. Пусть годы ушли, но я чувствую себя молодым. Я более болен теперь, чем двадцать лет назад».

Анна и Всеволод Мусины-Пушкины. 1927

Вдова графа, тетя Анита, всегда чтит память о своём муже и сохраняла в память о нем его любимые вещи, архив. И вот однажды – дело было у тети Шуры в Соломенной Сторожке – незадолго до своей смерти, году в 1955-м, она достала откуда-то с антресолей старинного шкафа какой-то длинный предмет в черном чехле, стерла с него вековую пыль и, осторожно протянув его мне, тихо сказала: «Вот, хочу, чтобы это было в вашей семье. Это я хранила как память о Всеволоде Юрьевиче. Берегите». Это оказалась шпага, самая настоящая, в ножнах, принадлежность парадного мундира лицеистов: трёхгранный клинок, очень острый на конце, желтой бронзы эфес с царским гербом и красивая витая рукоятка. Правда, черные лакированные ножны тут же рассыпались у меня в руках, но шпага была в идеальном состоянии. Я удивился – как тетя Анита могла перевезти эту опасную вещь через всю Москву на трамваях и никто ее не остановил. А за такое «холодное оружие» могли и срок дать.

Анна Павловна Мусина-Пушкина. 1955

Но теперь встал вопрос передо мной – как доставить этот идеологически вредный подарок из Москвы в Казахстан, в Петропавловск, где мы тогда жили. Я сделал так: отвинтив от шпаги рукоятку и безжалостно скрутив клинок буквой «О», я умудрился запихнуть ее на дно моего чемоданчика

и так провез ее в поезде дальнего следования. Показывать же этот раритет дома кому-либо тогда было всё-таки опасно – холодное оружие, да еще из времен «проклятого царского прошлого». Я это понимал и, по-моему, я даже не похвастался этим подарком и перед родителями, о чем много позже пришлось сильно пожалеть. Так и лежала эта шпага, свернувшись калачиком, под моей кроватью, на дне старого чемоданчика, заполненного для маскировки старыми тетрадками и учебниками.

Граф Мусин-Пушкин никогда не был в Петропавловске. Но здесь жила его племянница Надя, мать автора этих строк, которая в 1920-е годы тоже носила графу передачи в Бутырскую тюрьму и в лучшие дни часто танцевала в его квартире модный в 1920-х годах фокстрот. Здесь жили в советские времена его внучатые племянники, которые старались хранить память о своих именитых родственниках и сохранять кое-какие ещё оставшиеся от далёких времён вещественные сувениры. К сожалению, это не всегда удавалось. Лицейскую шпагу Мусина-Пушкина, как говорится, постигла несчастная судьба. Я проходил службу в армии, когда наш дряхлый дом был объявлен подлежащим сносу, и многие жильцы, переезжая, не успели очистить свои сараюшки от хранимых там вещей. Родители не разглядели ничего ценного в старом чемоданчике, заброшенном в сарае, и он попал под нож бульдозера вместе со всем сносимым там барахлом. Вместе с чемоданчиком в груды мусора превратился и мой драгоценный подарок. Отец потом очень сокрушался, когда я ему рассказал о пропавшей шпаге. Но больше всего сокрушался я, ругая себя за легкомыслие, которое я проявил, не предусмотрев всех возможных передряг с моим подарком и не посвятив родителей в мою тайну. Утешило только одно из писем отца, в котором он философски подошел ко всяким потерям и утратам. Он писал:

«Если бы это еще были глиняные вавилонские или египетские письмена, они имели бы шанс уцелеть при всяких случайностях и атомных катастрофах. Все, чем мы живем, что нас окружает в нашем быту – все это имеет проходящее, временное значение, и ценность для двух, трех поколений людей...»

Прошли годы, я помнил о шпаге и, написав ее историю в местную газету, шутя предупредил археологов будущего, чтобы были поосторожней, расчищая «культурный слой» в городе: можно наткнуться на необычный, очень острый предмет – лицейскую шпагу графа Мусина-Пушкина... А кто знает? – может так и будет.

Москва, 2020

